

Кудряшов И. В. Отчего сдохла канарейка? (Сергей Есенин о Николае Клюеве) / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 151—162. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162.

Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2020). Why Did the Canary Die? (Sergei Yesenin about Nikolai Klyuev). *Nauchnyi dialog*, 12: 151-162. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162. (In Russ.).

УДК 821.161.1Есенин.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-151-162

ОТЧЕГО СДОХЛА КАНАРЕЙКА? (СЕРГЕЙ ЕСЕНИН О НИКОЛАЕ КЛЮЕВЕ)

© Кудряшов Игорь Васильевич (2020), orcid.org/0000-0001-7022-3830, ResearcherID J-7391-2019, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), kiv.arz@yandex.ru.

© Пяткин Сергей Николаевич (2020), orcid.org/0000-0002-8659-7543, ResearcherID J-9796-2016, доктор филологических наук, профессор, директор, Арзамасский филиал, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас, Россия), nikolas_pyat@mail.ru.

Статья посвящена проблеме истолкования известных есенинских строк о Н. А. Клюеве в стихотворении «На Кавказе». В литературоведении утвердилась точка зрения, согласно которой в одиннадцатой строфе стихотворения С. А. Есенина содержится известное «эпиграмматическое определение», выражающее крайне резкое «негативное отношение» поэта к своему бывшему наставнику. Проведённый авторами статьи системный анализ есенинских поэтических определений Клюева «апостол нежный» («О муза, друг мой гибкий...», 1917) и «ладожский дьячок» («На Кавказе», 1924) в историко-литературном контексте позволил обнаружить их тесную смысловую соотнесённость и идентифицировать строки о Клюеве в стихотворении «На Кавказе» как авторскую самоиронию, выраженную в форме шуточного разжалования своего бывшего учителя. Доказывается, что в стихотворении «На Кавказе», иронически ставя себя на место «сдохшей канарейки», поэт, категорически не приемлющий подражательности в поэзии, не только заявляет о губительности для всякого таланта пения «с голоса чужого», но и отчетливо дает знать, что он «не кенар», подражающий Клюеву, что их дороги давно разошлись, что канарейка в нём «сдохла» ещё в юности; а самоиронические, безобидные строки о своём наставнике в стихотворении «На Кавказе» свидетельствуют о творческой зрелости Есенина как большого национального поэта, осмыслившего свою значимость и место на русском Парнасе.

Ключевые слова: С. А. Есенин; Н. А. Клюев; канарейка; стансы; на Кавказе; реминисценция; олицетворение; языковая шутка.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.

С. А. Есенин

1. Вводные замечания

В литературоведении уже относительно давно утвердилась точка зрения, согласно которой в одиннадцатой строфе стихотворения «На Кавказе» («Издревле

русский наш Парнас...») (1924), содержащей известное «эпиграмматическое определение» Н. А. Клюева «ладожский дьячок», С. А. Есенин отобразил свое «негативное отношение» к религиозности олонецкого поэта [Базанов, 1982, с. 33; Наумов, 1973, с. 225; Субботин, 1997, с. 421 и др.]. Его стихи саркастически сравниваются Есениным с предметом повседневной одежды — «телогрейкой», и они же, прочитанные лирическим героем вслух, становятся будто бы причиной преждевременной гибели в клетке ни в чём не повинной канарейки:

И Клюев, ладожский дьячок,

Его стихи как телогрейка,

Но я их вслух вчера прочёл,

И в клетке сдохла канарейка [Есенин, 1997, с. 109].

Сегодня эти есенинские строки о Клюеве вошли в золотой фонд антологии русской языковой шутки [КСРО, 2012, с. 337] как яркий образец смеховой культуры в поэзии Серебряного века, выраженный остроумными и меткими «эпиграмматическими строками», содержащими нелестную оценку литературного творчества Клюева. Еще более категорично звучит суждение об этих есенинских строках как «неумолимом поэтическом приговоре», вынесенном учеником своему учителю [Атуприн, 2003, с. 820]. Примечательно в данной связи и то, что в двух специальных работах, посвященных изучению творческих взаимоотношений Есенина и Клюева, интересующая нас строфа и вовсе обойдена вниманием исследователей [Субботин, 1994; Киселева, 1997]. Вероятно, причиной тому стало восприятие клюевского образа у Есенина как совершенно однозначной, отличающейся некой сиюминутностью, язвительной насмешки младшего поэта над своим наставником, что, в свою очередь, не может служить объективной характеристикой глубинного творческого диалога поэтов, накрепко связавшего их судьбы.

Обобщая все состоявшиеся и — как бы парадоксально это ни звучало — несостоявшиеся исследовательские суждения относительно образа Клюева в есенинском стихотворении «На Кавказе», необходимо подчеркнуть, что такие прямолинейные трактовки фактически не учитывают историко-литературного контекста произведения. А внимание к этому контексту, на наш взгляд, с одной стороны, может прояснить видовой характер комического эффекта есенинских строк о Клюеве, а с другой — позволит ответить на само собой возникающие здесь вопросы: отчего же «сдохла канарейка»? виноват ли в её смерти «ладожский дьячок»? заслужил ли он столь суровый «поэтический приговор» (в форме пропитанных сарказмом «эпиграмматических» строк) со стороны Есенина.

2. «Апостол нежный» и «ладожский дьячок» (О двух ипостасях Клюева в творческой судьбе Есенина)

Одной из конструктивных особенностей содержания есенинского стихотворения «На Кавказе» является очевидное противопоставление «классиков» (Пушкина, Лермонтова, Грибоедова) «современникам» (Маяковский и Клюев). Высокие, одухотворенные образы величайших творцов национальной культуры XIX века резко контрастируют с едва ли не карикатурными изображениями поэтов XX века. Выбор

Есениным «современников» кажется вполне понятным и обоснованным. Владимир Маяковский на поэтическом Олимпе той поры — фигура яркая, оригинальная, мало с кем сравнимая по своей популярности и к тому же находящаяся в фаворе у действующей власти. Редкая критическая работа рубежа 10—20-х годов, посвященная как Есенину, так и Клюеву, обходилась без сопоставления художественных миров этих поэтов, представителей новокрестьянской литературы, где Николай Клюев, как правило, назывался в качестве творческого наставника. Получается, что в стихотворении «На Кавказе» Есенин, выступая наследником классических традиций, и исключительно в этой ипостаси, развенчивает лидерскую репутацию Маяковского в современной поэзии и наставническую репутацию Клюева, только уже по отношению к самому себе.

Только вот если в случае с Маяковским такое предположение видится и резонным, и убедительным («На Кавказе» пишется, что называется, по «горячему следу» «Юбилейного» Маяковского, где тот, словно бы перебирая современных поэтов, достойных славы Пушкина, дает уничижительную оценку Есенину [Субботин, 1994, с. 419—421]), то «случай Клюева» в этой перспективе имеет, думается, и иную природу, и иное содержание.

В комментариях к стихотворению «На Кавказе» в Академическом собрании сочинений Есенина указывается, что появление Клюева в этом произведении, имеющее столь негативное художественное решение, может быть связано с последним разговором поэтов летом 1924 года, обострившим их разногласия по религиозным вопросам [Субботин, 1994, с. 421]. Однако такие разногласия, как известно, имеют давнюю историю: у Есенина они впервые обозначены еще в «Ключах Марии» (1919), затем нашли свое продолжение в письмах поэта начала 20-х годов, где творческое поведение Клюева названо «мистикой дешевого православия», сам же он не без сарказма именован «вытегрским подвижником» и «календарным святителем» [Есенин, 1999а, с. 131]. Согласимся, что определение «ладожский дьячок» в ряду таких образных номинаций Клюева выглядит почти органично. К тому же здесь Есенин мог припомнить, что и он сам, и опять же в «клюевском контексте», литературной критикой был записан в «дьячки» («Церковно-славянский, великопостный, с поджатыми губами словарь этот [Есенина] весьма отдает священным саном колу-паевского дьячка» [Асеев, 1922, с. 38]).

Но все-таки ключом к разгадке одиннадцатой строфы стихотворения «На Кавказе» нам видится диалогическая соотнесенность художественной персонификации «Клюев, ладожский дьячок» с поэтическим именованием «апостол нежный», которым Есенин в 1917 году нарек Клюева в стихотворении «О муза, друг мой гибкий...». Несмотря на достаточно солидную временную дистанцию, отделяющую эти разнооценочные определения, между ними, тем не менее, усматривается непосредственная смысловая связь. В восприятии лирического героя Есенина 1917 года — в то время молодого, но уже известного поэта — Клюев предстает не просто наставником, но апостолом: избранным подвижником, проповедующим провозглашенную Иисусом Христом весть о наступлении Царства Божия и спасении рода человеческого:

*Тогда в веселом шуме
Игривых дум и сил
Апостол нежный Клюев
Нас на руках носил* [Есенин, 1995, с. 135].

Такое поэтическое представление образа Клюева, имеющее сакральное значение, выглядит у Есенина вполне закономерным, если принять во внимание не только ту опеку, которой авторитетный в петербургских литературных кругах олоонецкий поэт окружил своего ученика (а от учительской роли Клюева в своей судьбе Есенин никогда не отрекался!), но и основные мотивы его дореволюционных сборников стихов, в том числе «Сосен перезвон» и двух книг «Братских песен» [Кудряшов и др., 2012; Кудряшов, 2015; Терешкина, 2019].

Вместе с тем в стихотворении «О муза, друг мой гибкий...» весьма отчетливо явлено контрастное соположение событийно-временных локусов, маркированных в тексте словами «тогда» и «теперь». Духовное и творческое наставничество Клюева осталось в прошлом, и, выражая искреннюю благодарность своему учителю в поэзии «за отческую щедрость», Есенин в то же время отмечает, что «*Теперь мы стали зрелей / И весом тяжелей...*» [Есенин, 1995, с. 135], подчёркивая тем самым свою теперешнюю самостоятельность и состоятельность как художника слова и дистанцируясь от поры своего литературного ученичества.

Спустя годы, будучи на Кавказе, Есенин, осмысливая собственное значение и место на русском Парнасе среди имён первых российских литераторов прошлого и настоящего, вспоминая трепетное преклонение своим «наставником» и его некогда опозитизированный им образ, шутливо-иронически называет Клюева «ладожским дьячком» и тем самым низводит «апостола нежного» из высшего в низший разряд служителей церкви, не имеющих даже степени священства и не входящих в состав церковной иерархии, но поставленных на церковное служение. Поэтическое разжалование Есениным Клюева в «ладожские дьячки» (обратим внимание, даже не в губернские, а в волостные), тем не менее, сохранило за ним статус учителя-наставника, так как известно, что именно дьячки в русских деревнях зачастую обучали азам грамоты и, говоря на современный лад, основам православной культуры детей приходских крестьян. Собственно, подтверждение тому мы находим в стихотворении Есенина «Письмо к деду», написанном, кстати, на Кавказе в том же 1924 году:

*Недаром прадед
За овса три меры
Тебя к дьячку водил
В заброшенной глуши
Учить: «Достойно есть»
И с «Отче» «Символ веры»* [Есенин, 1997, с. 139].

В самой переключке есенинских образных определений Клюева «апостол нежный» и «ладожский дьячок», как мы думаем, заключена самоирония автора стихотворения «На Кавказе», страждущего судьбы первых имен русской поэзии, но не лишённого узнавания «своего» теперь уже «в ином самому себе» [Фархитдинова, 2003, с. 14].

Самоирония у Есенина скрыта и в сравнении клюевских стихов с телогрейкой, что в определенной мере продолжает и развивает полемическую перекличку стихотворений «О муза, друг мой гибкий...» и «На Кавказе». Можно сказать, что руки «апостола нежного» спустя годы «уступают» место «телогрейке» — одежде, согревающей, оберегающей от холода (так же, как и нежные руки взрослого, обнимающие младенца) тело уже не нуждающегося в родительской опеке человека. С одной стороны, это свидетельствует о творческом взрослении Есенина, не утратившего своего «кровного родства» с бывшим наставником, а с другой — порождает устойчивую ассоциативную связь с известной формулой «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя», которую, как отметил А. А. Долинин, с самого начала XX века обычно приписывали Достоевскому и цитировали «как подлинное высказывание» писателя («во многих статьях и книгах по истории русской литературы») [Долинин, 2018, с. 163, 169]. Иронизируя исключительно над самим собой, Есенин оригинально переосмысливает общеизвестную формулу о русских писателях 40-х годов XIX века, проводя скрытую аналогию, что он сам, как поэт, «вышел» из «телогрейки» Клюева.

В стихотворении «На Кавказе», выделяя Клюева и Маяковского на фоне поэтов-современников, Есенин в то же время противопоставляет их друг другу. Указывая на Маяковского как на главного «штабс-маляра» поэтов, Есенин с высоты «русского Парнаса» снисходительно насмехается над его главенствующим положением среди современных ему российских поэтов, в то время как в следующей строфе о Клюеве объектом есенинской иронии становится уже его собственное изменившееся с годами восприятие олонецкого поэта. Столь кардинальное изменение объекта авторской иронии противопоставляет образы Клюева и Маяковского в стихотворении «На Кавказе» по принципу «свой-чужой».

3. «Я вам не кенар! Я поэт!» (С. Есенин о «канаречности» в поэзии и своём таланте)

В 1926 году в статье «Есенин» поэт И. В. Грузинов писал: «Есенин в стихах никогда не лгал. Рассказывает он об умершей канарейке — значит, вспомнил умершую канарейку, рассказывает о гаданье у попугая — значит, это гаданье действительно было, рассказывает о жеребёнке, обгоняющем поезд, — значит, случай с милым и смешным дуралеем был... Всякая чёрточка, маленькая чёрточка в его стихах, если стихи касаются его собственной жизни, верна. Сам поэт неоднократно указывает на это обстоятельство, на автобиографический характер его стихов» [Грузинов, 1986, с. 353]. Не оспаривая утверждения Грузинова об автобиографическом характере стихов Есенина, в то же время заметим, что приведённый им пример с «умершей канарейкой», когда речь заходит о стихотворении «На Кавказе», не следует буквально переносить в интерпретации есенинского поэтического текста, который является художественной проекцией тех или иных реалий из жизни поэта. Для всестороннего осмысления есенинского образа «сдохшей» в клетке канарейки («*И в клетке сдохла канарейка*») в стихотворении «На Кавказе» обратимся к известным литературно-биографическим и орнитологическим фактам, а также носящему локальный характер бытованию образа этой птицы в лирике поэта 1924—25-х годов.

Известно, что Сергей Есенин «очень любил» «грустные и протяжные» русские народные песни, а особенно ему нравилась «Это было давно...», которую поэт любил слушать в исполнении своих сестер — Александры и Екатерины [Есенина, 1986, с. 110, Эрлих, 1986, с. 333—334]. В основе этого народного произведения лежит композиционный приём поэтического, или образного, параллелизма, реализующегося через её двучленную организацию, сущность которой сводится к сопоставлению прощальных слов героини Саши при расставании с милым с громким унывым пением канарейки в летнем саду. Песня начиналась следующими строками:

Это дело было

Летнюю порою.

В саду канарейка

Громко распевала.

Голосок унывный

В лесу раздаётся.

Это, верно, Саша

С милым растаётся [Есенина, 1986, с. 110].

В отечественном песенном фольклоре, как правило, жалобное пение канарейки олицетворяет разлуку (расставание) влюблённых. Весьма показательна в этом отношении очень популярная в XIX и начале XX веков народная песня «Разлука», которую Есенин несчётное количество раз мог слышать как в исполнении уличных шарманщиков, так и в исполнении кабацких певцов. Изготавливались и лубочные картинки, изображающие сцены любимой народом песни [РНП]. Жалобное пение пташки канарейки в «Разлуке» так же, как и в любимой есенинской песне «Это дело было...», соотнесено с горестным прощанием, а её образ в целом вызывает сочувствие к несчастливой судьбе, обрекшей птаху на тягостные страдания:

Все пташки канарейки

Так жалобно поют

А нам с тобой милый

Разлуку все дают.

Разлука, ты разлука,

Чужая сторона,

Никто нас не разлучит,

Как мать сыра земля... [РНП].

Фольклорные истоки образа канарейки у Есенина узнаваемо просматриваются в «Стансах» (1924), где лирический герой с иронией вспоминает своё чтение «каких-то» стихов в тигулевке «*О клеточной судьбе / Несчастной канарейки*» [Есенин, 1997, с. 135], не приемля при этом покорность своей несчастливой судьбе уже в настоящем и будущем. Для лирического героя-поэта несчастливой, «клеточной» судьба заключается отнюдь не в пребывании в арестантском помещении, а в чтении «какого-то» стиха, то есть произведения чуждого, неоригинального, о чём свидетельствует употреблённое Есениным по отношению к стиху определение, выраженное в тексте неопределённым местоимением. Иными словами, «клеточ-

ная судьба несчастной канарейки» у Есенина олицетворяет несчастливую, жалкую участь поэта, чьи создания лишены свободы творческого самовыражения. Поэтому в следующих строках изменяется интонация: уже без иронии поэт резко и категорично заявляет о своём поэтическом кредо:

Я вам не кенар!

Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам.

Пускай бываю иногда я пьяным,

Зато в глазах моих

Прозрений дивных свет [Есенин, 1997, с. 135].

Разрабатывая проблему необходимости свободы самовыражения для творчества, годом позже в программном стихотворении «Быть поэтом — это значит то же...» (1925) Есенин выскажется о назначении поэта, прибегнув вновь к сравнению стихотворцев с пением птиц — соловья и канарейки. В отличие от соловья, поющего хотя и «одну и ту же песню», но свободно, канарейка, поющая «с голоса чужого», у Есенина олицетворяет поэтов, живущих в «пересказе сказанных» слов. По глубокому и твердому убеждению Есенина, «только свободный художник может принести свободное слово» [Есенин, 1999б, с. 17], в котором нуждается мир:

Быть поэтом — значит петь раздольно,

Чтобы было для тебя известней.

Соловей поёт — ему не больно,

У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —

Жалкая, смешная побрякушка.

Миру нужно песенное слово

Петь по-свойски, даже как лягушка [Есенин, 1995, с. 267].

Сравнение подражательности в поэзии с пением канарейки, иронически именуемой Есениным в стихотворении «Быть поэтом — значит петь раздольно...» «жалкой, смешной побрякушкой», в начале прошлого века в литературных кругах было если не расхожим, то, по крайней мере, известным благодаря нашумевшему «Литературному фельетону» З. Н. Гиппиус «Люди и нелюди», опубликованному в газете «Новые ведомости. Вечерний выпуск» (№ 43) за 1918 год. Автор статьи обличает тех деятелей российского искусства, которые «примкнули к власти сегодняшнего дня», в том числе упоминает и молодого поэта Есенина [Летопись ..., 2005, т. 2, с. 108]. Проводимое Гиппиус саркастическое сравнение их с канарейками, «поющими» в угоду сегодняшнему дню, под влиянием новой Советской власти, послужило основанием автору статьи именовать литераторов, лишённых «человеческой ответственности» и, следовательно, подлинной свободы творческого самовыражения, «нелюдьми», а само явление писательского социально-политического приспособленчества, благодаря Гиппиус, получило название «канареечность»: «<...> мы часто сами способствуем процессу превращения в безвозвратную “нелюдь” тех, кто ещё мог бы стать человеком. Мы поощряем милую канареечность какого-нибудь юного поэта,

ничего от него, кроме песен, не требуя, с преступным равнодушием следя за его вырождением. А ведь это не канарейки. Ведь иные — в потенции — и люди! <...> Самое суровое, непреклонное требование от них человеческой ответственности — вот милосердие, которое должно оказывать молодым талантам. Их можно спасти, если они ещё в переходном состоянии» [Летопись ..., 2005, т. 2, с. 108].

И Гиппиус («*А ведь это не канарейки*»), и позднее Есенин («*Я вам не кенар!* / *Я поэт!*») канарейку олицетворяли с несвободным от сторонних влияний талантом благодаря её отличительной особенности, хорошо известной не только разводчикам этих домашних птиц. В начале XX века «канарейка сделалась любимому певчю птицей вследствие её красивого цвета и формы, ясного и звучного голоса, понятливости, способности легко делаться ручной и выгоды, получаемой от разведения их в садках» [Маркс-Манн, 1903, с. 296]. О широкой популярности канареек в среде городских российских жителей говорит и тот факт, что этот вид домашних певчих птиц в огромных количествах разводили в селе Павлове и в соседней с селом деревне Давыдовой Горбатовского уезда Нижегородской губернии и продавали как в розницу, так и оптом в Платочном ряду Нижегородской ярмарки не только по всей России, но и за рубеж [Бесчинский, 1903, с. 166]. У мещан, любителей канареек, было принято клетки с птицей располагать в комнатах жилых помещений ближе к окнам, где больше естественного света, а летом, в ясную и тёплую погоду, выносить их в сад и крепить к ветвям деревьев. Однако особенностью этого вида домашних певчих птиц было то, что канарейки отличались «хорошим слухом, способностью *подражать* разным звукам и хорошою памятью. Они не только *подражают* пению других птиц, слышанному ими по выходе из гнезда, от чего происходит разнообразие их напева; но *перенимают* также звуки флейты и научаются даже произносить короткие слова и различного рода штукам по команде» [Маркс-Манн, 1903, с. 296—297]. Именно способность канарейки подражать пению других птиц стала как для Гиппиус («...*канареечность* какого-нибудь юного поэта»), так и впоследствии для Есенина («*Канарейка с голоса чужого*...») определяющим свойством для проведения сравнительных аналогий этой певчей птицы с человеком.

4. Заключение (О «сдохшей канарейке»)

Вернёмся к есенинскому образу «сдохшей» в клетке канарейки из одиннадцатой строфы стихотворения «На Кавказе», чтобы ответить на вопрос о причине гибели несчастной птахи. Заданная двумя первыми строками самоирония лирического героя в последующих двух получает своё закономерное развитие. Однако лирический объект и субъект в этих строках меняются местами. Читая «вслух» стихи своего бывшего наставника, лирический герой тем самым ставит себя на его место, уступая своё единственному их слушателю — канарейке в клетке, известной подражательнице пению других птиц. А это задает совершенно иной контекст восприятия есенинского образа, нежели чем отмеченный, как мы уже указывали, исследователями и комментаторами стихотворения «На Кавказе». Есенин, во-первых, иронически ставя себя на место сдохшей канарейки, не только заявляет о губительности для всякого таланта пения «с голоса чужого», но и декларирует собственное взросление до подлинного, имеющего свой голос и творческий вес в литературе

русского поэта. Во-вторых, Есенин своим ироническим пассажем отчетливо дает знать, что он «не кенар», вторящий в своих стихах Клюеву, что их дороги давно разошлись, что канарейка в нём «сдохла» ещё в юности...

Сам Клюев вряд ли обижался на есенинскую шутку, понимая, что «птенец» давно выпорхнул из «родительского гнезда» и уже достиг определённых высот в мире поэтического слова.

Б. А. Филиппов, биограф и исследователь творчества Н. Клюева, в предисловии к мюнхенскому собранию сочинений поэта справедливо отметил, что Есенин, «как поэт, понимал — чем и в чём Клюев был выше его. Завидовал, ругался, пытался даже отшутиться: “И Клюев, ладожский дьячок, / Его стихи, как телогрейка...”» [Филиппов, 1969, с. 130]. Именно как самоироничную дружескую шутку Есенина, адресованную своему бывшему наставнику, а не есенинский «поэтический приговор» в виде эпиграмматических строк, и нужно воспринимать одиннадцатую строфу стихотворения «На Кавказе», несущую в то же время глубокий подтекстовый смысл, связанный с осознанием Есениным себя как поэта национального масштаба. Не лишним в этой связи будет отметить, что в последнем автобиографическом очерке (октябрь, 1925) Есенин на свое ученическое прошлое указывал с подчеркнутой серьезностью: «Из поэтов современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности» [Есенин, 1999б, с. 19].

Источники и принятые сокращения

1. КСРО — Санников В. З. Краткий словарь русских острот / В. З. Санников. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 376 с.
2. РНП — *Разлука* (Народная песня) : Все птички канарейки так жалобно поют... : [лубок]. — [Б.м.] : Типо-литография торгового дома Е. Коновалова и Ко. — 1 л. ; хромолитогр. ; 28,1 x 39,6 (изобр.); 33,7 x 42,4 см.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев Н. «Избяной обоз» (О пастушеском течении и поэзии наших дней) / Н. Асеев // Печать и революция. — 1922. — № 8, ноябрь-декабрь. — С. 38—45.
2. Атуприн Вл. Письма беспартийного. (“Лично Явлинскому”) / Вл. Атуприн. — Москва : ЭПИцентр : Интеграл-Информ, 2003. — 895 с.
3. Базанов В. Г. Сергей Есенин и крестьянская Россия / В. Г. Базанов. — Ленинград : Сов. писатель : Ленинградское отделение, 1982. — 303 с.
4. Бесчинский А. Я. Путеводитель по Волге / А. Я. Бесчинский. — Москва : Т-во И. Н. Кушнерева и К°, 1903. — 384 с.
5. Грузинов И. В. Есенин / И. В. Грузинов // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1 / сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Худож. лит., 1986. — С. 351—364.
6. Долинин А. А. Кто же сказал «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя? / А. А. Долинин // Русская литература. — 2018. — № 3. — С. 163—170.
7. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Стихотворения / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1995. — 672 с.
8. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы) / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1997. — 464 с.

9. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. Письма / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999а. — 816 с.

10. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 7. Кн. 1. Автобиографии. Дарственные надписи. Фольклорные материалы. Литературные декларации и манифесты / С. А. Есенин. — Москва : Наука ; Голос, 1999б. — 559 с.

11. *Есенина А. А.* Родное и близкое / А. А. Есенина // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1 / сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Худож. лит., 1986. — С. 55—125.

12. *Киселева Л. А.* Есенин и Клюев: скрытый диалог (попытка частичной реконструкции) / Л. А. Киселева // Николай Клюев : Исследования и материалы. — Москва : Наследие, 1997. — С. 183—198.

13. *Кудряшов И. В.* «Светлая радость спасенья...»: Клюев и Пушкин / И. В. Кудряшов // Болдинские чтения 2015 : сборник трудов Международной научной конференции. — Саранск, 2015. — С. 260—272.

14. *Кудряшов И. В.* О доминирующем религиозном мотиве ранней лирики Николая Клюева / И. В. Кудряшов, С. Н. Пяткин // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 6 (37). — С. 78—81.

15. *Летопись жизни и творчества С. А. Есенина* : в 5 т. Т. 2: 1917—1920 / РАН ; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005. — 760 с.

16. *Маркс-Манн.* Курс новых охотничьих секретов, или Полная школа охоты на известных диких и на обыкновенных птиц, как нужно наверняка без промаха стрелять их в лет / Маркс-Манн. — 7-е изд. — Москва : типо-лит. И. И. Пашкова, 1903. — 320 с.

17. *Наумов Е. И.* Сергей Есенин : личность, творчество, эпоха / Е. И. Наумов. — Ленинград : Лениздат, 1973. — 455 с.

18. *Субботин С. И.* Есенин и Клюев (К истории творческих взаимоотношений) / С. И. Субботин // О, Русь, взмахни крылами... Есенинский сборник. Вып. I. — Москва : Наследие, 1994. — С. 104—120.

19. *Субботин С. И.* Комментарии / С. И. Субботин // Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). — Москва : Наука ; Голос, 1997. — С. 255—461.

20. *Терешкина Д. Б.* Евангельские образы и мотивы в первой книге «Братских песен» Николая Клюева / Д. Б. Терешкина // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17, № 1. — С. 94—107. — DOI 10.15393/j9.art2019.5861.

21. *Фархитдинова О. М.* Ирония : проблема определения и роль в философском познании : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.01 / О. М. Фархитдинова. — Екатеринбург, 2003. — 168 с.

22. *Филиппов Б.* Николай Клюев : материалы для биографии / Б. Филиппов // Николай Клюев. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / Н. Клюев ; под ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. — [Мюнхен] : A. Neimans Buchvertrieb und Verlag, 1969. — С. 7—156.

23. *Эрлих В. И.* Право на песнь / В. И. Эрлих // С. А. Есенин в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2. / сост. и коммент. А. Козловского. — Москва : Худож. лит., 1986. — С. 319—353.

WHY DID THE CANARY DIE? (SERGEI YESENIN ABOUT NIKOLAI KLYUEV)

© **Igor V. Kudryashov (2020)**, orcid.org/0000-0001-7022-3830, ResearcherID J-7391-2019, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian Language and Literature, Arzamas Branch, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia) (Arzamas, Russia), kiv.arz@yandex.ru.

© **Sergey N. Pyatkin (2020)**, orcid.org/0000-0002-8659-7543, ResearcherID J-9796-2016, Doctor of Philology, Professor, Director, Arzamas Branch, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas, Russia) (Arzamas, Russia), nikolas_pyat@mail.ru.

The article is devoted to the problem of interpretation of the well-known Yesenin lines about N. A. Klyuev in the poem "In the Caucasus". In literary criticism, the point of view has been established, according to which the eleventh verse of the poem by S. A. Yesenin contains a well-known "epigrammatic definition" expressing the extremely sharp "negative attitude" of the poet towards his former mentor. The systemic analysis of Yesenin's poetic definitions of Klyuev, "gentle apostle" ("O muse, my flexible friend...", 1917) and "Ladoga deacon" ("In the Caucasus", 1924) in the historical and literary context, made it possible to find their close semantic correlation and identify the lines about Klyuev in the poem "In the Caucasus" as the author's self-irony, expressed in the form of a comic demotion of his former teacher. It is proved that in the poem "In the Caucasus", ironically putting himself in the place of a "dead canary", a poet who categorically does not accept imitation in poetry, not only declares that singing "from the voice of someone else" is destructive for any talent, but also clearly makes it known that he is "not a canary," imitating Klyuev, that their paths diverged long ago, that the canary in him "died" in his youth; and the self-ironic, harmless lines about his mentor in the poem "In the Caucasus" testify to Yesenin's creative maturity as a great national poet who has comprehended his significance and place in Russian Parnassus.

Key words: S. A. Yesenin; N. A. Klyuev; canary; stanzas; in the Caucasus; reminiscence; personification; language joke.

MATERIAL RESOURCES

KSRO — Sannikov, V. Z. (2012). *Kratkiy slovar' russkikh ostrot* [A short dictionary of Russian witticisms]. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. 376 p. (In Russ.).

RNP — *Razluka (Narodnaya pesnya): Vse ptashki kanareyki tak zhalobno poyut...* [Parting (Folk Song): All the canary birds sing so plaintively...]. [B.m.]: Tipo-litografiya torgovogo doma E. Konovalova i Ko. (In Russ.).

REFERENCES

- Aseev, N. (1922). «Izbyanoy oboz» (O pastusheskom techenii i poezii nashikh dnei) ["Izbyanoy wagon train" (On the shepherd's current and poetry of our days)]. *Pechat' i revolyutsiya* [Print and revolution], 8 (noyabr'-dekabr'): 38—45. (In Russ.).
- Atuprin, VI. (2003). *Pis'ma bespartynogo. ("Lichno Yavlinskomu")* [Non-party letters. ("Personally to Yavlinsky")]. Moskva: EPlitsentr, Integral-Inform. 895 p. (In Russ.).
- Bazanov, V. G. (1982). *Sergey Esenin i krestyanskaya Rossiya* [Sergei Yesenin and peasant Russia]. Leningrad: Sov. pisatel: Leningradskoe otdelenie. 303 p. (In Russ.).
- Beschinskiy, A. Ya. (1903). *Putevoditel po Volge* [Volga guide]. Moskva: T-vo I. N. Kushnereva i K. 384 p. (In Russ.).
- Dolinin, A. A. (2018). Kto zhe skazal «Vse my vyshli iz «Shineli» Gogolya? [Who said, "We all left Gogol's "Shinel"?]. *Russkaya literature* [Russian literature], 3: 163—170. (In Russ.).
- Erlikh, V. I. (1986). Pravo na pesn' [The right to song]. In: *S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov* [S. A. Yesenin in the memoirs of his contemporaries]. Moskva: Khudozh. lit. 2/2: 319—353. (In Russ.).
- Esenin, S. A. (1995). *Polnoe sobranie sochineniy. Stikhotvoreniya* [Full composition of writings. Poems]. Moskva: Nauka; Golos. 7/1: 672 p. (In Russ.).
- Esenin, S. A. (1997). *Polnoe sobranie sochineniy. Stikhotvoreniya (Malenkie poemy)* [Full composition of writings. Poems (Small poems)]. Moskva: Nauka ; Golos. 7/2: 464 p. (In Russ.).
- Esenin, S. A. (1999a). *Polnoe sobranie sochineniy. Pis'ma* [Full composition of writings. Letters]. Moskva: Nauka; Golos. 7/6: 816 p. (In Russ.).

- Esenin, S. A. (1999b) *Polnoe sobranie sochineniy. Avtobiografii. Darstvennyye nadpisi. Folklornyye materialy. Literaturnye deklaratsii i manifesty* [Full composition of writings. Autobiography. Donation inscriptions. Folklore materials. Literary declarations and manifestos]. Moskva: Nauka; Golos. 7/7 (1): 559 p. (In Russ.).
- Esenina, A. A. (1986). Rodnoe i blizkoe [Native and close]. In: S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov [S. A. Yesenin in the memoirs of his contemporaries]. Moskva: Khudozh. lit. 2/1: 55—125. (In Russ.).
- Farkhitdinova, O. M. (2003). *Ironiya: problema opredeleniya i rol v filosofskom poznanii: PhD Diss.* [Irony: the problem of definition and the role in philosophical knowledge PhD Diss.]. Yekaterinburg. 168 p. (In Russ.).
- Filippov, B. (1969). Nikolay Klyuev: materialy dlya biografii [Nikolay Klyuev: materials for biography]. In: *Nikolay Klyuev. Sochineniya* [Nikolay Klyuev. Essays]. [Myunkhen]: A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag. 2/1: 7—156. (In Russ.).
- Gruzinov, I. V. (1986). Esenin. In: S. A. Esenin v vospominaniyakh sovremennikov [S. A. Yesenin in the memoirs of his contemporaries]. Moskva: Khudozh. lit., 1986. 2/1: 351—364. (In Russ.).
- Kiseleva, L. A. (1997). Esenin i Klyuev: skrytyy dialog (popytka chastichnoy rekonstruktsii) [Yesenin and Klyuev: hidden dialogue (an attempt at partial reconstruction)]. In: *Nikolay Klyuev: Issledovaniya i materialy* [Nikolay Klyuev: Research and materials]. Moskva: Nasledie. 183—198. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V. (2015). «Svetlaya radost' spasenya...»: Klyuev i Pushkin [“The bright joy of salvation...”: Klyuev and Pushkin]. In: *Boldinskie chteniya 2015: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Boldin Readings 2015: Proceedings of the International Scientific Conference]. Saransk. 260—272. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V., Pyatkin, S. N. (2012). O dominiruyushchem religioznom motive ranney liriki Nikolaya Klyueva [On the dominant religious motive in the early lyrics of Nikolai Klyuev]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 6 (37): 78—81. (In Russ.).
- Letopis' zhizni i tvorchestva S. A. Esenina (1917—1920)* [Chronicle of the life and work of S. A. Yesenin (1917—1920)]. (2005). Moskva: IMLI RAN. 5/2: 760 p. (In Russ.).
- Marks-Mann. (1903). *Kurs novykh okhotnich'ikh sekretov, ili Polnaya shkola okhoty na izvestnykh dikikh i na obyknovennykh ptits, kak nuzhno navernyaka bez promakha strelyat' ikh v let* [A course in new hunting secrets, or a complete school of hunting famous wild and common birds, how you must shoot them for sure without a miss]. (7th ed.). Moskva: tipo-lit. I. I. Pashkova. 320 p. (In Russ.).
- Naumov, E. I. (1973). *Sergey Esenin: lichnost', tvorchestvo, epokha* [Sergei Yesenin: personality, creativity, era]. Leningrad: Lenizdat. 455 p. (In Russ.).
- Subbotin, S. I. (1994). Esenin i Klyuev (K istorii tvorcheskikh vzaimootnosheniy) [Yesenin and Klyuev (On the history of creative relationships)]. In: *O, Rus', vzmakhi krylami... Eseninskiy sbornik* [Oh, Russia, flap your wings ... Yeseninsky collection]. Moskva: Nasledie. 104—120. (In Russ.).
- Subbotin, S. I. (1997). Kommentarii [Comments]. In: *Esenin S. A. Polnoe sobranie sochineniy. Stikhotvoreniya (Malenkie poemy)* [Yesenin S. A. Complete Works. Poems (Small Poems)]. Moskva: Nauka; Golos. 7/2: 255—461. (In Russ.).
- Tereshkina, D. B. (2019). Evangel'skie obrazy i motivy v pervoy knige «Bratskikh pesen» Nikolaya Klyueva [Gospel images and motives in the first book of “Brothers’ songs” by Nikolai Klyuev]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 17 (1): 94—107. DOI 10.15393/j9.art2019.5861. (In Russ.).